

Э. Глендиннинг, Ю. В. Попков, Е. В. Селезнева
**МЕНТАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ
 (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
 В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ)**

УДК 392.3(571.15)

ББК 63.5075

В работе впервые рассматривается зависимость между различными типами домашней среды и ментальным здоровьем молодых представителей коренных народов Сибири. Выявляются формы детско-родительских отношений, способствующих поддержанию ментального здоровья подростков и смягчающих воздействие неблагоприятных социально-экономических условий. Базой исследования стали данные социологического опроса и мини-интервью с 15-летними подростками Республики Алтай, проживающими в поселениях разных типов в условиях уклада, отличного от существующего в странах Запада. Главный вывод исследования заключается в том, что опосредующий эффект детско-родительских отношений различается в семьях представителей коренных и некоренных народов Сибири, а культура и традиции играют важную роль в сохранении ментального здоровья молодежи коренных национальностей Сибири. Традиционные и культурно обусловленные детско-родительские отношения служат фактором защиты от неблагоприятных социально-экономических условий и от быстрых социальных изменений в сельских районах Сибири, в то время как вседозволенность и отсутствие поддержки родителей в большей степени, чем авторитарные отношения, являются разрушительными для ментального здоровья молодых представителей коренных народов.

Ключевые слова: ментальное здоровье, домашняя среда, детско-родительские отношения, подростки, село, традиционная культура коренных народов Сибири, Алтай

Результаты целого ряда исследований свидетельствуют о том, что реакция индивида на стрессовые условия жизни опосредует связь между неблагоприятным материальным положением домохозяйства и психологическими проблемами подростков. При этом большинство авторов отмечает, что этнические связи смягчают воздействие экономических условий.¹

¹ См.: Stressors and child and adolescent psychopathology: evidence of moderating and mediating effects / Grant K. E., Compas B. E., Thurm A. E et al. // Clinical Psychology Review. 2006. № 26. P. 257–283; Conger R. D., Conger K. J., Elder Jr G. H. Family economic hardship and adolescent adjustment: mediating

Глендиннинг Энтони — почетный старший научный сотрудник, Школа социальных наук Университета Абердина (Великобритания)
 E-mail: a.glendinning@abdn.ac.uk

Попков Юрий Владимирович — д. филос. н., заместитель директора по научной работе и заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН, профессор Новосибирского государственного технического университета, (г. Новосибирск)
 E-mail: yuripopkov54@mail.ru

Селезнева Елена Владимировна — к. экон. н., с.н.с., Институт социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (г. Москва)
 E-mail: evselezneva@hse.ru

Ухудшение социально-экономического положения домохозяйства во время экономического спада и сопутствующие этому стресс, тревога и депрессия родителей были признаны разрушительными для семьи. Это прежде всего касается детско-родительских отношений и имеет повсеместное распространение. Серьезных проблем не избежали даже такие благополучные страны, как Финляндия, имеющая развитую и эффективную систему социального обеспечения.² В России, несмотря на значительные трудности, которые испытали домохозяйства в период кардинальных социальных и экономических изменений 1990-х и 2000-х гг., исследований, посвященных влиянию ухудшения положения семьи на ментальное здоровье подростков, проведено относительно немного.³ Только в одной работе был проанализирован

and moderating processes // Consequences of Growing Up Poor. New York, 1997. P. 288–310.

² См.: Leinonen J. A., Solantaus T. S., Punamaki R. The specific mediating paths between economic hardship and the quality of parenting // International Journal of Behavioral Development. 2002. № 26. P. 423–435.

³ В научной литературе нет четкого, устоявшегося представления о ментальном здоровье. Часто оно отождествляется с психологическим здоровьем, которое, согласно определению Всемирной организации здравоохранения, характеризует состояние душевного благополучия человека, его способность противостоять стрессовым ситуациям и другим неблагоприятным жизненным обстоятельствам.

опосредующий эффект домашней среды и детско-родительских отношений в городских семьях в период перестройки,⁴ однако осталось неизученным то, как этот эффект может различаться в тех или иных социальных, в частности этнических, группах.

Так, большинство работ, посвященных сибирской молодежи, касались полуторамиллионного Новосибирска — выборка в котором представлена преимущественно семьями этнически русского населения, а не коренных народов Сибири.⁵ Согласно результатам одного из исследований, распространенность проблем с ментальным здоровьем среди школьников Новосибирска составила 19%. Исследование городских подростков более старшего возраста выявило, что распространенность тяжелого депрессивного состояния составляет 12,7%, а множественных психических проблем — 25,1%.⁶ Эти данные соответствуют оценкам российских исследований для страны в целом: в конце 2000-х гг. проблемы с ментальным здоровьем имело около 15% подростков в возрасте до 15 лет и 25% — в возрасте от 15 до 17 лет.⁷

В ходе этнографического исследования молодых представителей коренных народов, проживающих на северо-востоке России, трудные условия жизни были признаны одним из ключевых стрессоров для молодых эвенков, в то время как обусловленные культурой взаимоотношения, внутри- и межпоколенческая поддержка и родственные связи выделены среди стратегий выживания в отдаленных общинах.⁸

Цель настоящего исследования — изучить характер влияния детско-родительских отношений разного типа на ментальное здоровье подростков коренных народов Алтая в ситуации неблагоприятных социально-экономических условий. В работе предпринята попытка

ответить на вопрос: насколько семьи (домохозяйства) представителей коренных народов более (или менее) чувствительны к воздействию данного фактора по сравнению с другими семьями, проживающими в регионе?

В основе исследования лежит гипотеза о том, что в условиях многонационального и «незападного» социально-культурного уклада отдаленных территорий связь между неблагоприятным социально-экономическим положением домохозяйств и ментальным здоровьем подростков опосредована отношениями с родителями, причем различным образом в семьях коренных и некоренных народов.

Методология и методика исследования

В 2002–2003 гг. в Республике Алтай было проведено социологическое исследование ментального здоровья подростков (рук. проекта — Э. Глендиннинг, сорук. с российской стороны — Ю. В. Попков). В качестве объекта наблюдения определены 15-летние ученики (восьмиклассники) средних школ, которые стоят перед первым важным жизненным выбором — продолжить учиться в школе и тем самым остаться в семье или начать работать либо пойти учиться в средние специальные учебные заведения и, возможно, покинуть семью. Исследование включало в себя опрос проживающих в Горно-Алтайске, в прилегающем к нему Майминском районе и в трех отдаленных районах республики — Онгудайском, Усть-Коксинском и Турочакском. Анкетирование подростков дополнялось мини-интервью. Всего было опрошено 789 школьников. Небольшое количество подростков также приняло участие в качественных полуструктурированных интервью. Школы и классы, в которых опрашивались ученики, отбирались случайно; в общей сложности в опросе участвовали ученики 30 школ, расположенных в пяти населенных пунктах. Участие в исследовании было добровольным, и от него можно было отказаться в любой момент. Опрос проходил без присутствия учителей.

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., общая численность жителей Республики Алтай составляет 206 тыс. чел., из них алтайцев — 68,9 тыс. Горно-Алтайск, где проживает 57 тыс. чел., является единственным городским поселением в республике, а Майминский район (28,5 тыс. чел.) — самый многочисленный ее сельский район. Итоговая выборка исследования распределена между данными территориальными единицами следующим образом:

⁴ См.: Tartakovsky E. Children of perestroika: the changing socioeconomic conditions in Russia and Ukraine and their effect on the psychological well-being of high-school adolescents // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2010. № 45. P. 25–37.

⁵ См.: Glendinning A., West P. Young people's mental health in context: comparing life in the city and small communities in Siberia // *Social Science & Medicine*. 2007. № 65. P. 1180–1911; Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G. Russian child mental health: a cross-sectional study of prevalence and risk factors // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2005. № 14. P. 28–33; Slobodskaya H. R. Competence, emotional and behavioural problems in Russian adolescents // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 1999. № 8. P. 173–180.

⁶ См.: Glendinning A., West P. Op. cit.

⁷ См.: Кислицына О. А. Состояние здоровья российской молодежи // *Народонаселение*. 2013. № 2. С. 103–112.

⁸ См.: Ulturgasheva O. Attaining khinem: challenges, coping strategies and resilience among Eveny adolescents in Northeastern Siberia // *Transcultural Psychiatry*. 2014. № 51. P. 632–650.

25 % прошенных подростков проживает в городе Горно-Алтайске, 10 % — в Майминском районе, 65 % — в прочих отдаленных сельских районах. Соотношение населения, проживающего в данных территориальных единицах, составляет, соответственно, 28 %, 13 % и 59 %.

Проведенный многомерный статистический анализ собранных данных учитывает поправку на конечный размер выборки 15-летних школьников, проживающих в указанных пяти территориальных единицах.

Существуют сложности с идентификацией отдельных представителей коренных народов Сибири, в том числе и Республики Алтай.⁹ В исследовании этническая принадлежность респондентов определялась по их ответам на соответствующий открытый вопрос. Подростков также просили указать национальность своих родителей. Таким образом, этническая принадлежность домохозяйства определялась не только по национальности родителей подростка (русские, алтайцы, смешанные русско-алтайские пары, казахи и др.), но и по его собственному определению. По данным Всероссийской переписи 2010 г., распределение жителей региона по национальностям было следующим: 56 % — русские, 34 — алтайцы, 6 — казахи, 2 — другие национальности, 2 % — национальность не определена. В нашем исследовании подобное распределение подростков следующее: соответственно, 62 %, 32, 2, 3, 1 %. В группу алтайцев включены не только алтай-кижи, но и представители субэтнических групп алтайцев, которые в настоящее время имеют статус малочисленных народов.

Выборка исследования состоит из двух групп: 1) домохозяйства, где оба родителя (или единственный родитель) принадлежат к коренным народам; 2) прочие домохозяйства. Исходя из такого деления, 30 % опрошенных молодых людей проживают в семьях представителей коренных народов, еще 14 % — в семьях, где лишь один из родителей принадлежит к коренной этнической группе.

Социально-экономическое положение домохозяйств

Оценка этого положения основана на ответах респондентов на 4 вопроса стандартного блока, широко использовавшегося ранее

в сравнительных исследованиях.¹⁰ В дополнение к этому подросткам было предложено оценить финансовое положение семьи в целом (хорошее, среднее, плохое). По описанным критериям две трети домохозяйств находятся в неблагоприятном материальном положении: по шкале материального благосостояния их ситуация оценивается от 0 до 3 баллов.¹¹ Такая ситуация в одинаковой степени характерна как для домохозяйств представителей коренных народов, так и для прочих семей (67,7 % против 64,7 %; χ^2 , $p = 0,429$).

Социально-экономическое положение домохозяйств также характеризуют такие показатели, как их структура (монородительскими являются 21,8 % домохозяйств представителей коренных народов и 20,1 % прочих домохозяйств; χ^2 , $p = 0,585$) и уровень образования родителей (среднее специальное образование имеют родители 56,5 % детей коренных народов и 56,9 % — прочих детей; χ^2 , $p = 0,921$). Кроме того, подростков просили сообщить статус занятости родителей и место их работы. Наемными работниками являются главы 60,1 % домохозяйств представителей коренных народов и 69,9 % прочих домохозяйств; собственный бизнес имеют главы, соответственно, 7,5 % и 9,8 % домохозяйств; занимаются домашним трудом — главы 14,3 % и 6,6 % домохозяйств. Главный член семьи является безработным в 9,2 % семей коренных народов и в 7,2 % прочих семей; не имеет работы по причине продолжительной болезни, инвалидности или права на получение пенсии — в 8,9 % домохозяйств коренных народов и в 6,5 % других домохозяйств. Таким образом, по сравнению с прочими семьями, члены домохозяйств представителей коренных народов чаще занимаются домашним трудом и реже имеют оплачиваемую работу (χ^2 , $p = 0,003$). Эти оценки социально-экономического положения домохозяйств были проверены и дополнены в ходе мини-интервью. (Методика сбора данных была апробирована во время исследований в Великобритании и позволила получить достоверные результаты.¹²)

¹⁰ См.: Absolute and relative family affluence and psychosomatic symptoms in adolescents / Elgar F. J., De Clercq B., Schnohr C. W., et al. // Social Science & Medicine. 2013. № 91. P. 25–31.

¹¹ См.: Differential item functioning of a family affluence scale: validation study on data from HBSC 2001/02 / Schnohr C. W., Kreiner S., Due P., et al. // Social Indicators Research. 2008. № 89. P. 79–95.

¹² См.: West P., Sweeting H., Speed E. We really do know what you do: a comparison of reports from 11-year-olds and their parents in respect of parental economic activity and occupation // Sociology. 2001. № 35. P. 539–559.

⁹ См.: Halemba A. E. The Telengits of Southern Siberia. New York, 2006; Sokolovskiy S. Russian government policies and minority identities // Managing Ethnic Diversity in Russia. New York, 2013. P. 172–188.

Формы детско-родительских отношений

Характеристики детско-родительских отношений основаны на ответах подростков на восемь вопросов «Краткого вопросника по родительским связям» (РВИ), изначально созданного для биполярных численных измерений показателей «родительская забота — отвержение» и «автономия от родителей — родительский контроль».¹³ Ответы послужили основой для анализа (использовался метод Варда и квадрат Евклидоваго расстояния в качестве меры близости объектов), в результате которого было выделено 4 кластера, представляющих общие и специфические локальные формы отношений подростков с родителями. На основе групповых средних значений биполярных шкал выделенные кластеры и соответствующие им формы детско-родительских отношений получили названия:

— «неподдерживающая вседозволенность» (среднее по полушкале «отвержение» равно 1,28, по полушкале «автономия» — 0,56; на группу приходится 15,3 % выборки подростков);

— «поддерживающее предоставление автономии» (среднее по полушкале «забота» равно 0,52, по полушкале «автономия» — 0,93; на группу приходится 16,4 % выборки);

— «неподдерживающие авторитарные отношения» (среднее по полушкале «отвержение» равно 0,93, по полушкале «контроль» — 0,95; на группу приходится 17,5 % выборки);

— «поддерживающие традиционные отношения» (среднее по полушкале «забота» равно 0,53, по полушкале «контроль» — 0,15; 50,8 % опрошенных подростков).

Проблемы с ментальным здоровьем у подростков

Степень выраженности депрессивного настроения у подростков измерялась с помощью клинически подтвержденной шкалы самооценок («depressed mood», DM-6), состоящей из 6 показателей, принимающей значения от 10 до 30 и имеющей пороговые значения 19,5, 21,75 и 23,0 балла.¹⁴ Результатом анализа надежности шкалы является значение показателя альфа Кронбаха, равное 0,683. Как показало из-

мерение, 26,7% опрошенных подростков находились в депрессивном состоянии (ДИ (доверительный интервал): [23,3 %; 30,4 %]). Для этих учащихся значения по шкале депрессивного состояния превысили пороговое значение (21,75), которое позволяет выявить наличие психологических проблем средней тяжести, но не больших в тяжелом депрессивном состоянии.

Выраженность психологического стресса оценивалась с помощью стандартной сокращенной версии «Опросника общего здоровья» («general health questionnaire», GHQ-12) с 12 вопросами, значением результирующего показателя в интервале от 0 до 12 и пороговыми значениями «3 и более» (с наличием у обследуемого 2/3 симптомов) и «4 и более» (с наличием 3/4 симптомов).¹⁵ У опрошенных подростков альфа Кронбаха приняла значение 0,751. Доля учащихся, находящихся в состоянии психологического стресса, по результатам опроса (по верхнему пороговому значению шкалы), составила 28,2 % (ДИ: [24,4 %; 32,3 %]). 13,1 % респондентов находятся одновременно в депрессивном состоянии и испытывают психологический стресс, в то время как большинство подростков (58,1 %) не испытывали ни стресса, ни депрессии. (Описанные выше показатели проблем с ментальным здоровьем были использованы ранее при изучении подростков в Великобритании и дали надежные и стабильные результаты.¹⁶) Как показывают данные табл. 1, подростки из семей коренных народов с большей вероятностью испытывают психологический стресс (в 35,5 % случаев; ДИ: [30,1 %; 41,2 %]) по сравнению с молодежью из других семей (в 24,8 % случаев; ДИ: [21,7 %; 25,2 %]). Однако этнические различия являются значимыми лишь в отношении стресса, но не депрессивного состояния.

Отцы и дети: детско-родительские отношения и ментальное здоровье подростков

Результаты анализа парных связей распространенности проблем с ментальным здоровьем и неблагоприятного социально-экономического положения домохозяйств, а также риска возникновения проблем с ментальным здоровьем и форм детско-родительских отношений

¹³ См.: Klimidis S., Minas H. I., Ata A. W. The PBI-BC: A brief current form of the parental bonding instrument for adolescent research // *Comprehensive Psychiatry*. 1992. № 33. P. 374–383.

¹⁴ См.: Kandel D., Davies M. Epidemiology of depressive mood in adolescents // *Archives of General Psychiatry*. 1982. № 39. P. 1205–1212.

¹⁵ Goldberg D., Williams P. A User's Guide to GHQ. Windsor, 1998.

¹⁶ Can we explain increases in young people's psychological distress over time? / Sweeting H., Young R., West P., Der G. // *Social Science and Medicine*. 2010. № 71. P. 1819–1830.

Таблица 1

Доля подростков, имеющих проблемы с ментальным здоровьем в зависимости от характеристик домохозяйств, в которых они проживают, и от детско-родительских отношений, %

Характеристика домохозяйства и детско-родительских отношений	Психологический стресс (GHQ-12 > 3)		Депрессивное состояние (DM-6 > 21,75)	
Место проживания: отдаленные сельские районы г. Горно-Алтайск и Майминский район	30,1 24,5	χ^2 , p = 0,050	26,7 26,6	χ^2 , p = 0,975
Структура домохозяйства: монородительские прочие	29,8 27,8	χ^2 , p = 0,565	28,1 26,3	χ^2 , p = 0,609
Образование родителей: не выше среднего выше среднего	28,6 27,3	χ^2 , p = 0,454	25,7 27,9	χ^2 , p = 0,656
Статус занятости родителей: собственный бизнес работа по найму домашний труд незанятые или безработные	26,1 25,4 29,5 *42,9	χ^2 , p = 0,008	21,7 25,8 24,9 32,4	χ^2 , p = 0,260
Материальная обеспеченность: низкая обеспеченность прочие	*30,3 23,4	χ^2 , p = 0,023	*29,4 20,7	χ^2 , p = 0,004
Финансовое положение: плохое среднее хорошее	*43,0 28,9 *20,7	χ^2 , p < 0,001	*36,4 26,3 23,9	χ^2 , p = 0,043
Этническое происхождение: коренные народы прочие	*35,5 24,8	χ^2 , p = 0,001	28,9 25,9	χ^2 , p = 0,334
Детско-родительские отношения: «неподдерживающие авторитарные» «поддерживающие традиционные» «поддерживающее предоставление автономии» «неподдерживающая вседозволенность»	*43,7 22,4 24,4 *33,3	χ^2 , p < 0,001	*45,9 20,5 20,6 *32,2	χ^2 , p < 0,001

* p < 0,05.

(см. табл. 1) свидетельствуют о том, что вероятность возникновения психологического стресса выше у подростков, чьи родители являются безработными и испытывают материальные трудности. При этом ни проживание на отдаленных территориях, ни неполная (монородительская) семья, ни низкий уровень образования родителей не оказывают существенного влияния на риск возникновения стресса у молодежи. Подобным же образом депрессивное состояние связано с плохим социально-экономическим и финансовым положением домохозяйства, но

не с прочими рассматриваемыми социальными факторами. Например, относительные шансы возникновения психологического стресса или депрессивного состояния у подростков с плохим материальным положением по сравнению с другими респондентами составляют, соответственно, 2,11 к 1 (ДИ: [1,37; 3,25]) и 1,60 к 1 (ДИ: [1,03; 2,49]). Эти же относительные шансы для подростков с худшим материальным положением по сравнению с шансами для других опрошенных равняются 1,43 к 1 (ДИ: [1,05; 1,94]) и 1,60 к 1 (ДИ: [1,16; 2,20]).

Данные табл. 1 также свидетельствуют о том, что «неподдерживающая вседозволенность» и, особенно, авторитарные отношения чаще рожают проблемы с ментальным здоровьем у подростков, в то время как «поддерживающее предоставление автономии», а также традиционные детско-родительские отношения связаны с большим психическим благополучием. Например, риск возникновения психологического стресса и депрессивного состояния среди подростков из авторитарных семей по сравнению с семьями, для которых характерны другие детско-родительские отношения, составляет, соответственно, 2,35 к 1 (ДИ: [1,66; 3,33]) и 2,90 к 1 (ДИ: [2,05; 4,11]).

Кроме того, двумерный анализ показывает, что форма детско-родительских отношений связана с различиями в этническом статусе семей. В частности, традиционные отношения — это норма в семьях представителей коренных народов: 60,1% подростков из данных семей охарактеризовали домашнюю среду как традиционную.

Данные табл. 2 демонстрируют взаимосвязь национальной принадлежности, социально-экономического положения домохозяйства, детско-родительских отношений и ментального здоровья подростков. В ней представлены результаты оценки бинарной логистической регрессионной модели наличия проблем с ментальным здоровьем у подростков с такими регрессорами, как этническое происхождение, проживание на отдаленной территории, плохое социально-экономическое положение домохозяйства и тип детско-родительских отношений. Сначала для уточнения результатов анализа парных связей была построена предварительная регрессионная модель (модель 1). При переходе от парных распределений к регрессии сохраняется влияние этнического происхождения и плохого социально-экономического положения на риск возникновения психологического стресса (значения отношения шансов, соответственно, равны 1,711; ДИ: [1,313; 2,231] и 1,494; ДИ: [1,138; 1,971]), а для риска возникновения депрессивного состояния остается значимым лишь эффект социально-экономического положения (1,649; ДИ: [1,129; 2,391]). Проживание на отдаленных территориях и в неполной семье, а также низкий уровень образования родителей и отсутствие у них работы по-прежнему оказались незначимыми факторами. Однако эти социально-экономические характе-

ристики семьи подростка оставлены в модели как контрольные.

Расширенная регрессионная модель (модель 2) оценивает изменения в отношении шансов возникновения проблем с ментальным здоровьем вследствие введения дополнительных регрессоров для детско-родительских отношений и, таким образом, проверяет наличие взаимодействия между этническим происхождением и формой детско-родительских отношений. Данные табл. 2 показывают, что, по сравнению с авторитарной формой, любая из прочих трех форм детско-родительских отношений имеет преимущества. Важно отметить, что результаты регрессионного анализа также свидетельствуют о следующем: контролирование формы детско-родительских отношений объясняет этнические различия в распространенности случаев психологического стресса (отношение шансов уменьшается с 1,711 в модели 1 до 0,917 в модели 2), снижает силу связи между плохим социально-экономическим положением домохозяйства и вероятностью испытывать психологический стресс (отношение шансов изменяется с 1,494 в модели 1 до 1,279 в модели 2), а также быть в депрессивном состоянии (отношение шансов, уменьшается с 1,649 в модели 1 до 1,344 в модели 2). В табл. 2 представлены данные по эффекту взаимодействия этнического происхождения и формы детско-родительских отношений в итоговой регрессионной модели риска возникновения психологического стресса (результаты псевдо F-теста: $Wald(3) = 8,001$, $p = 0,046$). В семьях представителей коренных народов предоставление автономии ($OШ_{автономия \times коренные} = 4,256$; ДИ: [1,702; 10,641]) и вседозволенность ($OШ_{вседозволенность \times коренные} = 3,745$; ДИ: [1,470; 9,539]) оказывают еще более отрицательное воздействие на ментальное здоровье подростка, чем референтная авторитарная форма отношений ($OШ_{авторитарные \times коренные} = 0,917$). Это означает, что для семей коренных народов необходимо скорректировать общую модель влияния детско-родительских отношений на риск возникновения психологического стресса.

Заключение

Исследование свидетельствует о том, что характер воздействия отношений с родителями на ментальное здоровье различается для подростков коренной национальности и других молодых людей, проживающих в сельских

¹⁷ ОШ — отношение шансов.

Таблица 2

БИНАРНЫЕ ЛОГИСТИЧЕСКИЕ РЕГРЕССИОННЫЕ МОДЕЛИ НАЛИЧИЯ ПРОБЛЕМ
С МЕНТАЛЬНЫМ ЗДОРОВЬЕМ У ПОДРОСТКОВ (ЗНАЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ШАНСОВ)

Модель домохозяйств	Психологический стресс (GHQ-12 > 3)			Депрессивное состояние (DM-6 > 21,75)		
	Отноше- ние шансов	95 %-й ДИ		Отноше- ние шансов	95 %-й ДИ	
		Min	Max		Min	Max
Модель 1 Проживание на отдаленной территории (проживание в центральных районах региона – иначе = 0)	1,217	0,903	1,641	1,009	0,749	1,358
Монородительское домохозяйство (иначе = 0)	1,021	0,749	1,393	1,007	0,734	1,381
Среднее образование у родителей (иначе = 0)	1,158	0,893	1,501	1,262	0,967	1,648
Статус занятости: (собственный бизнес = 0)						
работа по найму	0,839	0,549	1,281	1,146	0,748	1,757
домашний труд	0,935	0,563	1,553	0,898	0,502	1,608
неработающий или безработный	1,522	0,883	2,624	1,446	0,737	2,837
Плохая материальная обеспеченность (иначе = 0)	*1,494	1,138	1,971	**1,649	1,129	2,391
Представитель коренных народов (иначе = 0)	***1,711	1,313	2,231	1,218	0,926	1,602
Модель 2 (включающая также переменные: проживание на отдаленной территории, монородительское домохозяйство, образование и статус занятости родителей)						
Плохая материальная обеспеченность (иначе = 0)	1,279	0,948	1,724	1,344	0,993	1,812
Представитель коренных народов (иначе = 0)	0,917	0,492	1,708	1,151	0,871	1,567
Детско-родительские отношения (авторитарные = 0):						
традиционные	***0,315	0,215	0,461	***0,289	0,207	0,402
предоставление автономии	***0,276	0,168	0,454	***0,282	0,184	0,433
«неподдерживающая вседозволенность»	***0,431	0,270	0,689	**0,551	0,371	0,818
Отношения × национальность:						
традиционные × коренные	1,807	0,867	3,769	Wald(3) = 5,335, p = 0,149		
автономия × коренные	**4,256	1,702	10,641			
вседозволенность × коренные	**3,745	1,470	9,539			
Псевдо R-квадрат Найджелкерка	0,307			0,300		

* p < 0,05; **p < 0,01; *** p < 0,001.

районах Сибири. В частности, проведенный анализ показывает, что детско-родительские отношения, подразумевающие избыточную свободу детей, таят угрозу для домохозяйств представителей коренных народов Сибири гораздо в большей степени, нежели авторитарные отношения.¹⁸ Это важно подчеркнуть,

так как предыдущие исследования на сходную тему были сосредоточены на негативных эффектах авторитарных отношений в трансформирующемся постсоветском обществе.¹⁹ И, как предполагалось, предоставление подросткам

Parenting. Vol. 4. Mahwah, NJ, 2002. P. 59–93.

¹⁹ См.: Russia / Nelson D. A., Craig H. H., Keister E. K., Piasetskaia K. // Handbook of Cultural Developmental Science. New York, 2010. P. 409–428.

¹⁸ См.: Chao R., Tseng V. Parenting of Asians // Handbook of

значительной автономии опосредует связь между неблагоприятным социально-экономическим положением и проблемами ментального здоровья подростков в российских городских домохозяйствах.²⁰

Результаты настоящей работы также оригинальны в контексте выводов исследований о ментальном здоровье подростков, проживающих как в англосаксонских и европейских странах, так и в городах России.²¹ В представленной статье именно традиционные отношения, объединяющие в себе родительскую заботу, родительский контроль и авторитет, а не предоставление автономии и принципы самостоятельного развития рассматриваются как наиболее благоприятные для ментального здоровья подростков — представителей

коренных народов Сибири. При неблагоприятном социально-экономическом положении в сельском сообществе традиционные и культурно обусловленные отношения способствуют поддержанию ментального здоровья в домохозяйствах.

Итоги данного исследования подтверждают представления о важной роли традиций и культуры в поддержании ментального здоровья в условиях кардинальных социальных и экономических изменений в Сибири. Проведенные качественные исследования²² также указывают на важность домашней среды и детско-родительских отношений для сохранения ментального здоровья в среде молодых представителей коренных народов Сибири, сохранивших связи со своей традиционной культурой.

Anthony Glendinning

Honorary Senior Research Fellow, School of Social Science, University of Aberdeen (UK, Aberdeen City)

E-mail: a.glendinning@abdn.ac.uk

Yuri V. Popkov

Doctor of Philosophical Sciences, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the RAS, professor of Novosibirsk State Technical University (Russia, Novosibirsk)

E-mail: yuripopkov54@mail.ru

Elena V. Selezneva

Candidate of Economic Sciences, Higher School of Economics (Russia, Moscow)

E-mail: evselezneva@hse.ru

MENTAL HEALTH OF MODERN TEENAGERS (BASED ON SOCIOLOGICAL SURVEY IN THE REPUBLIC OF ALTAI)

The paper is the first attempt to study the dependence between various types of home environment and mental health of the younger representatives of the indigenous peoples of Siberia. The authors identified several types of the adolescent-parent relationships supportive of the adolescents' mental health and mitigating the effects of unfavorable social and economic conditions. The study was based on the data of community-based surveys and mini-interviews of 15-year-olds from the Altai republic residing in various types of communities with a more traditional life-style different from the standard living conditions in the West. The authors came to a conclusion that the mediating effect of the adolescent-parent relationships differed in the indigenous compared to the non-indigenous families in Siberia, whereas the culture and traditions played an important role in protecting mental health of the younger generation of the indigenous peoples of Siberia. Traditional and culture-specific adolescent-parent relationships offered protection against the unfavorable socioeconomic conditions as well as rapid social changes in the rural areas of Siberia, while permissiveness and lack of parental support had a more damaging effect on the mental health of the young members of the indigenous communities.

Keywords: *mental health, home environment, parent-child relationship, adolescents, rural, ethnicity, the traditional culture of indigenous peoples of Siberia, Altai*

²⁰ См.: Кислицына О. А. Указ. соч.

²¹ См.: Chirkov V. I., Ryan R. M. Op. cit.; Tartakovsky E. Op. cit.

²² См.: Ulturgasheva O. Op. cit.

REFERENCES

- Chao R., Tseng V. Parenting of Asians // Handbook of Parenting. Vol. 4. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2002, pp. 59–93. (in English).
- Chirkov V. I., Ryan R. M. Parent and teacher autonomy-support in Russian and U. S. adolescents: common effects on wellbeing and academic motivation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2001, № 32, pp. 618–635. (in English).
- Conger R. D., Conger K. J., Elder Jr G. H. Family economic hardship and adolescent adjustment: mediating and moderating processes // *Consequences of Growing Up Poor*. New York: Russell Sage Foundation, 1997, pp. 288–310. (in English).
- Elgar F. J., De Clercq B., Schnohr C. W., Phillippa B., Pickett K. E., Torsheim T., Hofmann F., Currie C. Absolute and relative family affluence and psychosomatic symptoms in adolescents. *Social Science & Medicine*, 2013, № 91, pp. 25–31. (in English).
- Glendinning A., West P. Young people's mental health in context: comparing life in the city and small communities in Siberia. *Social Science & Medicine*, 2007, № 65, pp. 1180–1911. (in English).
- Goldberg D., Williams P. A User's Guide to GHQ. Windsor: NFER-Nelson, 1998. 129 p. (in English).
- Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G. Russian child mental health: a cross-sectional study of prevalence and risk factors. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2005, № 14, pp. 28–33. (in English).
- Grant K. E., Compas B. E., Thurm A. E., McMahon S.D., Gipson P. Y., Campbell A. J., Krochock K., Westerholm R. I. Stressors and child and adolescent psychopathology: evidence of moderating and mediating effects. *Clinical Psychology Review*, 2006, № 26, pp. 257–283. (in English).
- Halembe A. E. The Telengits of Southern Siberia. New York: Routledge, 2006. 2402 p. (in English).
- Kandel D., Davies M. Epidemiology of depressive mood in adolescents. *Archives of General Psychiatry*, 1982, № 39, pp. 1205–1212. (in English).
- Kislicyna O. A. *Sostojanie zdorov'ja rossijskoj molodezhi* [Health Status of the Russian youth] // *Narodonaselenie* [Population], 2013, № 2, pp. 103–112. (in Russ.).
- Klimidis S., Minas H. I., Ata A. W. The PBI-BC: A brief current form of the parental bonding instrument for adolescent research. *Comprehensive Psychiatry*, 1992, № 33, pp. 374–383. (in English).
- Lehti V., Niemelä S., Hoven C., Mandell D., Sourander A. Mental health, substance use and suicidal behaviour among young indigenous people in the Arctic: a systematic review. *Social Science & Medicine*, 2009, № 69, pp. 1194–1203. (in English).
- Leinonen J. A., Solantaus T. S., Punamaki R. The specific mediating paths between economic hardship and the quality of parenting. *International Journal of Behavioral Development*, 2002, № 26, pp. 423–435. (in English).
- Nelson D. A., Craig H. H., Keister E. K., Piassetskaia K. Russia // *Handbook of Cultural Developmental Science*. New York: Psychology Press, 2010, pp. 409–428. (in English).
- Schnohr C. W., Kreiner S., Due P., Currie C.E., Boyce W., Diderichsen F. Differential item functioning of a family affluence scale: validation study on data from HBSC 2001/02. *Social Indicators Research*, 2008, № 89, pp. 79–95. (in English).
- Slobodskaya H. R. Competence, emotional and behavioural problems in Russian adolescents. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 1999, № 8, pp. 173–180. (in English).
- Sokolovskiy S. Russian government policies and minority identities // *Managing Ethnic Diversity in Russia*. New York: Routledge, 2013. pp. 172–188. (in English).
- Sweeting H., Young R., West P., Der G. Can we explain increases in young people's psychological distress over time? *Social Science and Medicine*, 2010, № 71, pp. 1819–1830. (in English).
- Tartakovsky E. Children of perestroika: the changing socioeconomic conditions in Russia and Ukraine and their effect on the psychological well-being of high-school adolescents. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 2010, № 45, pp. 25–37. (in English).
- Ulturgasheva O. Attaining khinem: challenges, coping strategies and resilience among Eveny adolescents in Northeastern Siberia. *Transcultural Psychiatry*, 2014, № 51, pp. 632–650. (in English).
- West P., Sweeting H., Speed E. We really do know what you do: a comparison of reports from 11-year-olds and their parents in respect of parental economic activity and occupation. *Sociology*, 2001, № 35, pp. 539–559. (in English).